

УДК 316

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-77-90

Что такое город?

О. К. Трубицын

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Объектом данной работы является город как специфическая форма территориальной организации общества. Задача – выявить основные характеристики, определяющие современный город как специфическое явление. Продемонстрирована историческая изменчивость представлений о городе, связанная с историческим развитием феномена города и общества в целом. Показана относительность разграничения между городом и не городом в современном обществе и проблематичность определения четких границ города. Дополнен перечень основных атрибутов города, куда помимо специфической застройки, заселенности и занятости входят такие его параметры, как способность выступать в качестве специфического сообщества и в качестве формы капитала.

Ключевые слова

город, урбанизация, урбанистика, теория города, сообщество, капитал, философия города

Для цитирования

Трубицын О. К. Что такое город? // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4. С. 77–90.
DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-77-90

What Is City?

O. K. Trubitsyn

*Novosibirsk state University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The object of this paper is the city as a specific form of territorial organization of society. The task is to identify the main characteristics that determine the modern city as a specific phenomenon. The historical variability of ideas about the city associated with the historical development of the phenomenon of the city and society as a whole is demonstrated. The relativity of the distinction between the city and the non-city in modern society and the problematic definition of clear boundaries of the city are shown. The list of the

© О. К. Трубицын, 2020

main attributes of the city, which in addition to specific buildings, population and employment include its parameters such as its ability to act as a specific community and as a form of capital, is supplemented.

Keywords

city, urbanization, urbanism, city theory, community, capital, philosophy of the city

For citation

Trubitsyn O. K. What Is City? *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 77–90. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-77-90

Ответ на вопрос, что такое город, на первый взгляд кажется вполне очевидным и не требующим привлечения научной и философской методологии. С обывательской точки зрения город является сочетанием а) специфической застройки и б) специфической заселенности. Специфическая застройка города – это плотное скопление крупных, как правило, многоэтажных зданий в противоположность малоэтажной разреженной застройке деревни. Специфическая заселенность – это плотное скопление относительно большого числа жителей на относительно малой площади по сравнению с менее плотным скоплением относительно небольшого числа жителей в деревне. Склонный к более точным определениям человек, пожалуй, отметит еще и факт специфической занятости – преимущественно сельскохозяйственной в деревне и несельскохозяйственной в городе.

Задача обществоведения не состоит в том, чтобы опровергать обывательские представления. Однако обыденные знания не достаточны для полного и точного определения социального феномена, в данном случае города. Соответственно, задача данной статьи состоит в том, чтобы дополнить и уточнить указанное обывательское представление данными социальных наук. Прежде всего, представление о городе нужно ввести в культурно-исторический контекст, показав историческую изменчивость представлений о городе. Далее, нужно показать относительность разграничения города и не города в современном обществе и проблематичность определения четких границ города. Наконец, стоит дополнить перечень основных атрибутов города, помимо застройки, заселенности и занятости. Это позволит сформулировать модель современного города. Зачем вообще нужна какая-либо философская модель города? Ее задача состоит не в том, чтобы дать определение города вообще как типа поселения или дать описание какого-либо конкретного города, а в том, чтобы предложить наиболее ёмкую и точную характеристику идеально-типичного города современной эпохи. Среди всех редукционистских моделей нужно выбрать ту, которая наиболее полно схватывает суть эпохи, лучше прочих объясняя современные урбанистические процессы.

То, что представление о городе меняется от эпохи к эпохе и от страны к стране – факт достаточно очевидный. Старинные города по своей архитектуре (мало-

этажной, если не считать важнейших культовых и административных зданий) и по численности населения для современного человека кажутся чем-то скорее похожим на деревню или небольшой поселок. В наше время в разных странах действуют разные юридические правила, по которым то или иное поселение причисляется к городскому статусу. Минимальная требуемая численность может сильно варьироваться: от 250 жителей в Дании, 5000 человек в Грузии, 5000–12000 в России и до 30000 в Японии и 40000 в Южной Корее (стандарт ООН – 20000). Может возникнуть впечатление, что это не более чем условность, субъективное восприятие. «Но город – это нечто большее, чем субъективное представление, основанное на сопоставлении выполняемых функций, размеров и занимаемой площади. Это понятие имеет также и юридический смысл» [Мерфи, 1972. С. 9]. М. Вебер также подчеркивает политико-юридический смысл разграничения города и села, более значимый, чем экономические обстоятельства, формы занятости или численность населения. Так, «если мы в наше время правильно назовем типичным “горожанином” человека, который удовлетворяет свои продовольственные потребности не с собственного поля, то для большинства типичных городов древности (poleis) правильным будет как раз обратное» [Вебер, 2001. С. 341]. В то же время даже при авторитарном управлении извне город остается в той или иной степени автономным союзом, «общиной» с особыми политическими и административными институтами. В особенности это касается городов западного типа. М. Вебер подчеркивает, что прежде западный город «был не только экономически местом торговли и промышленности, политически (обычно) – крепостью и местом гарнизона, административно – судебным округом, но также скрепленным клятвой братством» [Там же. С. 371–372]. В этом отношении, как и во многих других, города прежних эпох отличаются от современных.

Э. Соджа [Soja, 2000] выделяет в истории четыре городских революции. Появление и развитие городов он связывает с тем синергетическим эффектом (synekism в его терминологии), который обеспечивает скопление большого числа людей на ограниченной площади. Первая революция связана с появлением городов как таковых. Синекизм при этом работал через изобретение сельского хозяйства, создание специализированного ремесленничества, развитие торговых сетей. Поскольку появление сельского хозяйства связано именно с городами, изначально оно было занятием именно городских жителей, то получается (в полном соответствии с утверждением М. Вебера), что современный критерий города как поселения с несельскохозяйственным производством является исторически относительно новым. Вторую городскую революцию связывают с развитием ирригационного хозяйства и формированием городов-государств, на основе которых впоследствии возникают обширные империи. Это был качественный скачок в росте масштабно-

сти, сложности и иерархичности организации общества. Синекизм при этом был связан с политической революцией в территориальном управлении, сделавшей возможным управление обществами в беспрецедентных масштабах по численности и территории. Третья революция связана с развитием индустриального капитализма. Она вызвала реорганизацию всего общества – теперь большинство населения стало горожанами, причем особенно резко росла численность пролетариата и буржуазии. Продуктом урбанизации становится институт национального государства, когда вся страна оказалась под централизованным контролем столицы, а культура унифицировалась по столичному образцу. Выделение четвертой городской революции является спорным – с этим не согласны многие урбанисты. Однако сторонники постмодернистского подхода, в том числе сам Э. Соджа, настаивают, что в последней трети XX в. происходит новая городская революция, связанная с постиндустриальным переходом.

Итак, мы обнаруживаем, что понятие города имеет исторически конкретный характер. Так, в Средние века признаками города были не только определенная численность населения, формальный статус, закрепленный юридически, но и наличие укреплений и архитектурных сооружений с определенными функциями, а также определенная социальная структура с ремесленными цехами и купеческими гильдиями. То, что современный город утратил некоторые из этих специфических черт, обеспечивавших ему и его жителям юридические привилегии и широкую политическую автономию, побуждает некоторых исследователей утверждать, что процесс капиталистической урбанизации способствовал не развитию городов, а их относительному упадку. Так, М. Кастельс заявляет, что «развитие индустриального капитализма, вопреки всем распространенным наивным взглядам, принесло не усиления города, но его реальное исчезновение как институционализованной и относительно автономной социальной системы, организованной вокруг специфических целей» (цит. по: [Soja, 2000. Р. 101]). Действительно, когда все жители страны становятся гражданами (буквально – горожанами), то никто более не является горожанином как представителем специфической группы с *особым* правовым статусом.

Теперь перейдем к проблеме разграничения города и деревни в современную эпоху. Стоит отметить, что среди всех капиталистических стран урбанистические процессы в США, как и некоторые другие специфические явления, характерные для общества модерна, проявили себя в наиболее чистом виде и, как правило, раньше, чем где-либо еще. Это связано с отсутствием средневековых традиций и, в частности, уже имеющихся старинных городов с их архитектурой. Поэтому американские урбанисты раньше прочих – еще в 1960–1970-е гг. – обратили внимание на процессы, ставшие характерными для других стран лишь в самое послед-

нее время. Они описывают, в частности, процесс субурбанизации – переселения среднего класса в пригороды, которые разрастаются территориально, захватывая большие площади, чем сами города. В дальнейшем наблюдается своего рода «срастание» пригородов разных городов, что приводит к соединению городов в агломерации и урбанизированные районы, вплоть до гигантских мегалополисов. Границы «юридического» города, т.е. формальные административные границы муниципального образования, теперь, как правило, не совпадают с границами «реального» или «географического» города [Мерфи, 1972. С. 10]. Отсюда возникает сложность с определением численности жителей города, с тем, кого вообще считать горожанином.

В то время как сельские жители приобщаются к благам цивилизации и усваивают элементы городского образа жизни, горожане становятся жильцами частных малоэтажных домов в пригородных поселках с низкой плотностью населения. Р. Мерфи отмечает, что теперь «нередко можно услышать, будто представление о коренном различии понятий “горожанин” и “сельский житель” является произвольным и устаревшим. Говорят, что оно досталось нам от тех времен, когда между городом и деревней действительно лежала пропасть» [Там же. С. 7]. Действительно, можно согласиться, что марксистское требование преодоления различия между городом и деревней в определенной степени оказалось реализовано в современных развитых капиталистических странах. Однако говорить об окончательном устранении дуализма городского и сельского в настоящий момент не приходится. Скорее он приобрел исторически новую форму. Хотя, по мнению Р. Мерфи, более точно нужно говорить не о дуализме, а о полюсах континуума: «Урбанизированные территории в зависимости от размера изменяются (по нисходящей) от истинных городов до все меньших и меньших “местечек”. Иногда среди них мы обнаруживаем населенные пункты с таким малым количеством жителей и настолько выраженным сельскохозяйственным профилем, что они уже не могут расцениваться как “городские”. Такой постепенный переход от городского к сельскому типу населенных пунктов может быть назван “сельско-городским континуумом”» [Там же. С. 5].

Если границы стали столь размыты и неопределенны, то что же тогда может служить критерием для разграничения города и села? Для радикальных постмодернистов город – это, главным образом, тип дискурса, а объективных оснований для выделения города как особого типа поселения, по крайней мере в современную эпоху, не существует. Ю. Хабермас, хотя и критикует постмодернистов, соглашается, что в современную эпоху «настоятельно встает вопрос, не устарело ли само понятие города. Признаки западного города в том виде, как его описал Макс Вебер: города европейской буржуазии в эпоху позднего Средневековья, городской

знати в Северной Италии в эпоху Ренессанса, княжеских резиденций... – эти исторические следы слились в наших головах в расплывчатое, многослойное понятие города» [Хабермас, 2005. С. 49]. Это, по его мнению, связано с тем, что «с нашим понятием города связана определенная жизненная форма. Между тем она настолько преобразовалась, что традиционное понятие уже не в состоянии дорасти до нее» [Там же. С. 50]. Постмодернистский автор Йен Чемберс [Chambers, 1990] апеллирует не столько к изменению образа жизни, сколько к изменению формы расселения жителей. Он утверждает, что процессы субурбанизации и агломерации привели к тому, что город стал в первую очередь мифом, воображаемой реальностью. Иначе говоря, различие города и села связано прежде всего с теми дискурсами, способами, которыми мы думаем о городах, конструируем эти воображаемые сущности. Для постмодернизма, перенесшего методы литературоведения и соответствующую онтологию на описание реального мира, характерно восприятие мира как «текста», как «пространства репрезентации». Соответственно, конструирование города происходит прежде всего в нашем сознании как специфическая репрезентация пространства, обусловленная, среди прочего, властными отношениями. Эти положения составляют суть модели города как представления.

Нельзя сказать, что модель города как представления не имеет под собой никаких оснований. В современной урбанистической литературе практически сложился консенсус насчет того, что города являются одновременно реальными местами и пространствами воображения, а также что пространство городской жизни предстает перед нами одновременно как ощущаемое, осознаваемое и обитаемое. В сочетании с развитием интернет-коммуникаций это дает весомые основания для постмодернистских трактовок города, делающих упор на воображаемость и осознаваемость пространства. Однако, как было отмечено ранее, город не является исключительно продуктом нашего воображения, определяемым чисто субъективными критериями. Как минимум все еще можно говорить о юридических особенностях поселений разного типа. Да и специфичность городской формы застройки и заселения сохраняется по крайней мере в ядре городской агломерации – старом городе, вокруг которого эта агломерация сформировалась. Наше повседневное существование требует масштабной инфраструктуры, огромных затрат труда и материальных ресурсов, воплощенных в зданиях, коммуникациях, технике, обеспечивающей нам тепло, свет и воду. Модель города как представления не отрицает необходимости всего этого, но недооценивает теоретическую и практическую значимость материальной основы города, ограничиваясь подчеркиванием роли продуктивного воображения, дискурсов и т. п. Это снижает ценность данной модели и ограничивает ее применимость.

Но есть и другие критерии для выделения города как особого типа поселения. Современные отечественные урбанисты настаивают, что не всякое крупное поселение заслуживает права именоваться полноценным городом. Дело не только в размерах, преобладающем типе застройки или формах занятости населения. Так, по мнению В. Л. Глазычева, «урбанизацией мы вправе именовать только такой процесс перемещения в города населения, занятого сельским хозяйством и сопутствующими ремеслами, ранее разбросанного по хуторам, деревням и селам, когда формируется зрелое, самоуправляемое местное сообщество» [2008. С. 35]. «Город – это ведь не просто скопление домов и скопление людей, в основном оторванных от сельского труда. Это еще и средоточие всех форм активности множества людей, составляющих самоуправляемое сообщество» [Там же. С. 28]. Отсюда следует его утверждение, что «подлинная урбанизация у нас в стране началась лишь в 90-е годы ушедшего века» [Там же. С. 27], когда мы попытались расстаться с традицией «огосударствления городской жизни, которая была многократно усилена в социалистическую эпоху» [Там же. С. 32]. Ю. Л. Пивоваров также полагает, что нельзя недооценивать социальные и психологические аспекты процесса урбанизации, в частности изменения образа жизни; так что урбанизация – это «исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных центрах и ареалах преимущественного социально-экономического развития» [1999. С. 16]. Иначе говоря, полноценно «городским» мы можем назвать только то население города, которое усвоило основы городской культуры и нормы городского образа жизни, в частности способность и готовность к участию в городском самоуправлении.

Таким образом, мы подходим ко второй из основных философских моделей города – модели города как городской общины. (Хотя более корректно в философском плане было бы говорить о *городском сообществе*, а не о *городской общине*, поскольку община – это характеристика именно деревенской социальности.) Что такое сообщество? Не углубляясь в эту сложную самостоятельную тему, ограничимся наиболее распространенной трактовкой [Трубицын, Татарута, 2014]. Б. Уэллман предлагает следующее определение: «Сообщества – это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» (цит. по: [Кастельс, 2004. С. 153]). Вместе с тем этот термин выступает также синонимом понятия активного гражданского общества. Применительно к городу можно сказать, что основу и суть его составляют не застройка и т. п., необходимые, но не достаточные и второстепенные признаки, а социальная организация его жителей в форме муниципального сообщества ответственных и активных горожан, стре-

мющихся совместными усилиями развивать свой город. Здесь снова стоит вспомнить утверждение М. Вебера о том, что западный город изначально был «скрепленным клятвой братством». Другими словами, можно предположить, что современный западный город по сути является эволюционной модификацией средневекового городского общинного братства, развившегося до уровня более свободного и индивидуализированного сообщества. Фактически именно об этом говорят отечественные урбанисты, когда пытаются расстаться с традицией советской урбанистики как в теоретическом, так и в практическом плане, чтобы усвоить достижения зарубежной – западной, конкретно говоря, – урбанистики.

Но что же говорят о нынешнем состоянии своих городских сообществ американские урбанисты? По большей части они не подтверждают адекватности этой модели «города как сообщества» в качестве основной описательной и объяснительной модели. Р. Ольденбург прямо заявляет о тупиковом направлении развития американского градостроения: «Курс городского развития в Америке подводит индивида к черте, после которой гордая независимость превращается в жалкую изоляцию, поскольку он представляет недостаточно возможностей и стимулов для добровольного человеческого общения» [2014. С. 35]. Он подчеркивает при этом, что проблема возникла не вчера: еще в 1957 г. М. Лернер указывал на нехватку в США понятной и цельной городской среды, способной поддерживать существование местного соседского сообщества. По мнению Р. Ольденбурга, дальнейшее развитие американского капиталистического города продолжило движение по этой неверной траектории: всеобщая автомобилизация, стимулирующая переселение среднего класса в пригороды, которое, в свою очередь, привело к разрушению соседских связей, упадку низовой демократии и обеднению жизни. Классик американской урбанистики Дж. Джекобс говорит о негативных последствиях развития американских городов практически такими же словами [2006]. По ее мнению, для хорошей жизни человеку требуется участие в соседском сообществе, позволяющем, в частности, формироваться приятельским компаниям. Всеобщая автомобилизация и изолированная жизнь в пригородных спальных районах, высоко сегрегированных в социальном плане, привели к упадку социальной жизни, самоизоляции индивидов из-за отсутствия спонтанного общения. Пожалуй, она присоединилась бы, как это сделал Р. Ольденбург, к мнению Дж. Брюса, что «управление городами – это самый очевидный провал Америки» [Ольденбург, 2014. С. 417].

Кризис городской «общинности» выражается в конечном счете не только в ослаблении соседских сообществ и дефиците межличностного общения, но и в неразвитости активного гражданского сообщества жителей города в целом, способного быть основой реального, а не только формального местного само-

управления. В соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», на уровне городов и прочих муниципальных образований у нас действует местное самоуправление. Согласно статье 1 Федерального закона, «местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций»¹. На практике органы местного самоуправления функционируют скорее просто как органы муниципального управления. Это связано прежде всего именно с неразвитостью местного городского сообщества. При этом списать все на особенности российского политического режима было бы неправомерным. Аналогичную ситуацию мы видим и в США. Американские урбанистические социологи Р. и Х. Линд и Ф. Хантер (см. [Трубина, 2013. С. 317]) убедительно продемонстрировали, что в городах США, при всем их формальном демократизме, правят городские элиты. Существует устойчивая городская властная пирамида, на вершине которой находятся «отцы города» – крупные бизнесмены, корпоративные топ-менеджеры и юристы, живущие, как правило, в одном районе и тесно связанные друг с другом. Возможно, это даже хорошо, что муниципальное управление крупных городов застраховано в значительной мере от проникновения случайных демагогов, различного рода профессиональных «борцов за все хорошее» и просто «городских сумасшедших», но называть это «формой осуществления народом своей власти» было бы обманом. Модель города как сообщества выступает, таким образом, скорее нормативной моделью, даже утопией, чем описанием реальности типичного современного города.

В итоге получается парадоксальная ситуация, требующая философского осмысления: с точки зрения отечественных урбанистов, подлинная урбанизация у нас так и не началась, а в США, с точки зрения американских исследователей, она уже практически подошла к печальному финалу вследствие распада городского сообщества как основы местного самоуправления. Причем связано это с практикой городского планирования и управления, что, соответственно, требует развития адекватной философии городского управления, поскольку именно ошибки управления лежат в основе большинства городских социальных проблем.

Однако что же побуждает муниципальные власти вести дело именно таким образом, что это подрывает основы городского сообщества в практическом плане

---

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ ст 1 (ред. от 18.04.2018). URL: <http://fzrf.su/zakon/ob-organizacii-mestnogo-samoupravleniya-131-fz/st-1.php> (дата обращения 14.06.2018).

и делает модель города как сообщества неадекватной в теоретическом плане? Здесь мы переходим к альтернативной трактовке современного города – к его интерпретации в рамках модели «город как капитал».

В основании этой модели лежат две теории социологии города: теория городского режима и «машины роста». Теория городского режима была создана для определения степени участия бизнеса в городской политике и выявления его мотивов. «Понятие городского режима фиксирует неформальные управляющие коалиции, реально принимающие решения и определяющие городскую политику» [Трубина, 2013. С. 326]. Это понятие было сформулировано К. Стоуном в ходе его попыток описать неформальное партнерство между правительством Атланты и бизнес-элитой. Он пришел к выводу, что «городское правительство озабочено сохранением власти, расширением поддержки со стороны общественности. Бизнес-элита, понятно, думает об увеличении прибыли. Городской режим складывается из конфликта между экономической и политической логиками в рамках правящей коалиции» [Там же. С. 327].

Теория «машины роста», которую сформулировал Х. Молоч [Там же. С. 322–324], описывает не город непосредственно, а правящую в нем коалицию элит и ту политику, которую она проводит с целью извлечения прибыли из городской земли. Основную роль в городской политике из всех групп местного бизнеса играют девелоперы, хотя имеются и другие заинтересованные группы, вместе с муниципальным менеджментом образующие коалицию элит, реально управляющих городом. Эти элиты рассматривают экономический рост города как предпосылку роста своего благосостояния и сохранения власти. Населению рост города преподносится как то, что выражает общие интересы, в то время как на деле выгоды от него распределяются крайне неравномерно, доставаясь в основном городской элите. На практике же населению это может приносить как выгоду, так и различного рода ущерб, а чаще сочетание того и другого. В условиях либеральной глобализации участие в кампаниях роста становится для городов фактически вынужденным: для обеспечения своего развития они должны «продавать» себя национальным и транснациональным инвесторам, предлагая лучшие условия для инвестирования, нередко предполагающие какого-либо рода потери для населения.

Рассмотрим немного конкретнее, как это происходит на практике. Жилые кварталы города варьируются по своей престижности, следовательно, по цене жилья и земли. Каждый район крупного города предоставляет жителям специфический набор условий проживания, благ и услуг, в частности состояние окружающей среды, места приложения труда, культурно-бытовое обслуживание и т. д. Люди выбирают район своего проживания в зависимости от соотношения стоимости жилья и набора благ, выступающих в качестве факторов привлекательности места

жительства. Понятно, что выбор доступного жилья ограничивается доходами человека. Также и вкусы людей бывают различными. Но в целом можно говорить о преобладающих факторах выбора места жительства, таких как состояние окружающей среды и близость к городскому центру и культурным зонам, которые делают одни районы престижными, а другие нет. С развитием капитализма и соответствующим социальным расслоением у нас в стране начинает наблюдаться феномен, привычный для прочих стран, – концентрация более обеспеченных и благополучных слоев населения в одних районах, более престижных, а граждан менее обеспеченных и социально неблагополучных – в других, не престижных районах. Соответственно еще одним из значимых факторов при выборе жилья становится социальное окружение, т. е. стремление жить в районе, свободном от люмпенизированных и криминальных элементов.

Итак, территориальная сегрегация по социально-экономическому признаку ведет к достаточно резкой дифференциации районов для среднего класса с высокой стоимостью жилья и земли и районов для малообеспеченных слоев населения с относительно низкой стоимостью жилья и земли. Для городской элиты эта дифференциация выступает основанием для извлечения прибыли от городских районов, рассматриваемых как капитал. В обобщенной форме эта машина работает следующим образом. В более дорогих районах производится уплотнительная застройка, позволяющая продавать большие объемы дорогого жилья. Это приносит прибыль девелоперам, но ухудшает условия проживания для местных жителей из-за увеличения автомобильного потока, сопутствующего шума и загрязнения воздуха, уменьшения рекреационных зон, общей скученности населения. Ухудшение условий проживания постепенно снижает привлекательность района, что ведет к оттоку наиболее состоятельной части жителей. За этим следует снижение стоимости жилья и переселение в данный район менее обеспеченных и благополучных людей, в том числе люмпенизированных элементов, что еще более снижает его престижность. В итоге бывший «дорогой» район становится «дешевым», девелоперы делают свою прибыль, а население теряет из-за снижения стоимости своих квартир и ухудшения условий проживания. Поскольку район при этом сохраняет некоторые былые преимущества, например близость к центру, то через некоторое время следует новый цикл капитализации. Данный, теперь уже дешевый и не престижный, район подвергается джентрификации и реновации. Это означает, что инвесторы, часто в союзе с муниципальными властями, реализуют программу улучшения жилья в данном районе. При этом сюда привлекаются новые жильцы из более высоких социальных страт, а малообеспеченное население вытесняется ростом стоимости аренды и цен в местных магазинах. Вытеснению менее обеспеченных жителей способствует также практика принудительного выселения из-за

сноса жилья худшего качества, но более дешевого. Район, таким образом, опять становится дорогим и престижным. Весь этот циклический процесс можно описать как оборот капитала, ведущий к получению прибавочной стоимости.

Модель города как формы капитала не может, конечно, рассматриваться как единственная полезная модель описания современного города. Тем не менее именно она позволяет понять некоторые регулярно происходящие в разных городах процессы. Если же говорить о ее сочетании с моделью города как территориального сообщества, то она отчасти позволяет объяснить те особенности муниципального менеджмента, о которых говорилось ранее, – политику, способствующую разложению местных территориальных сообществ. Функционирование машины города-капитала требует постоянного процесса созидания и разрушения городского пространства, повышенной мобильности населения, вынужденного периодически менять место жительства ради сохранения своего социального статуса или ради экономии средств. Это препятствует установлению прочных и устойчивых связей между жителями, на основе которых формируются соседские сообщества, а также формированию у жителей города чувства местного патриотизма.

Итак, города всегда играли важную роль в функционировании и развитии общества, что требует внимания исследователей к урбанистической тематике. Большое значение при этом имеет изучение материальных и идеальных компонентов феномена города: на основании каких обстоятельств представители разных культур в разные эпохи проводили различие между городом и не городом. Развитие общества с необходимостью сказывается на городе как важнейшей форме его территориальной организации. В наши дни разворачивается процесс существенной трансформации городов, который некоторыми исследователями трактуется как четвертая городская революция. Причем процессы, выступающие ее аспектами, могут получать совершенно разную оценку у разных авторов. Так, например, процесс субурбанизации, характерный для многих стран, но более всего для США, можно интерпретировать совершенно по-разному: как процесс преодоления разрыва между городом и деревней, как углубление урбанизации, когда она охватывает все большие территории и группы населения, или как своеобразную дезурбанизацию – в смысле утраты населением пригородов социальных навыков к городскому образу жизни. В конечном счете все эти процессы можно интерпретировать как подъем городов или же как их упадок, что ведет опять-таки то ли к подъему общества, то ли к его упадку. Неопределенность ответов на эти вопросы требует подключения философии к задаче их прояснения. Основным вкладом философии может стать формулировка модели города. Среди всех редукционистских моделей основным претендентом на то, чтобы наиболее полно охватить суть эпо-

хи, является модель города как капитала, которую стоит дополнить моделями города как представления и как специфического территориального сообщества.

Список литературы / References

- Вебер М.** История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
Veber M. Istoriya hozyajstva. Gorod [History of Economy. City] Moscow, KANON-press-C, 2001. (in Russ.)
- Глазычев В. Л.** Урбанистика. М.: Европа, 2008.
Glazychev V. L. Urbanistika [Urbanistics] Moscow, Evropa Publ., 2008. (in Russ.)
- Джекобс Дж.** Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Европа, 2006.
Jakobs J. Zakat Ameriki. Vperedi Srednevekov'e [The Decline of America. Ahead of the Middle Ages] Moscow, Evropa Publ., 2006. (in Russ.)
- Мерфи Р.** Американский город. М.: Прогресс, 1972.
Merfi R. Amerikanskij gorod [American City] Moscow, Progress, 1972. (in Russ.)
- Кастельс М.** Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
Kastels M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve [The Internet Galaxy: Reflections on Internet, Business and Society] Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2004. (in Russ.)
- Ольденбург Р.** Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: НЛО, 2014.
Oldenburg R. Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshchestva [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. (in Russ.)
- Пивоваров Ю. Л.** Основы геурбанистики: урбанизация и городские системы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 1999.
Pivovarov Yu. L. Osnovy geourbanistiki: urbanizatsiya i gorodskie sistemy [The basics of geourbanistics: Urbanisation and urban system]. Moscow, VLADOS Publ., 1999. (in Russ.)
- Трубина Е. Г.** Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: НЛО, 2013.
Trubina E. G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva [The city in theory: experience of understanding the space] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. (in Russ.)
- Трубицын О. К., Татарута В. П.** Сообщество: очерк когнитивной истории // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 31–39.

- Trubitsyn O. K., Tataruta V. P.** Soobshchestvo: ocherk kognitivnoj istorii [Community: an essay on cognitive history]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 4, p. 31–39. (in Russ.)
- Хабермас Ю.** Политические работы. М.: Праксис, 2005.
- Habermas J.** Politicheskie raboty [Political Works]. Moscow, Praksis Publ., 2005. (in Russ.)
- Chambers I.** Border Dialogues: Journeys in Postmodernity. London, Routledge, 1990.
- Soja E.** Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Bodmin (Cornwall, GB), MPG Books, 2000.

Материал поступил в редколлегию (Received) – 13.12.2020

Статья принята к публикации (Accepted) – 17.12.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Трубицын Олег Константинович

кандидат философских наук

доцент Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Oleg K. Trubitsyn

Candidate of Science (Philosophy)

Docent, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

trubitsyn77@mail.ru